
НАСЛЕДИЕ

Е. А. ДОЛГОВА

«ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК» Н. И. КАРЕЕВА (1850–1931)*

В статье анализируется междисциплинарная проблематика работ историка и социолога Н. И. Кареева, подготовленных им в послереволюционные годы (в том числе неопубликованной рукописи «Общая методология гуманитарных наук»). Изучается один из сюжетов – синтез истории, социологии и психологии в гуманитарном знании первой трети XX века. В творчестве ученого была поставлена задача понимания гуманитарного знания как единого исследовательского поля и предложены конкретные пути достижения поставленной задачи – подходы к историко-психологической и историко-социологической проблематике.

Ключевые слова: *Н. И. Кареев, гуманитарные науки, методология и теория истории, социология, психология.*

Современные исследования по теории и методологии исторической науки отражают устойчивое стремление гуманитарных дисциплин к взаимодействию в едином проблемном поле. Эта тенденция, развивающаяся на фоне изменения профессионального инструментария историка-исследователя, дискуссий о языке историописания, о возможностях использования терминологии смежных наук, стала предметом специального внимания применительно к ситуации в зарубежной и отечественной историографии (Гуревич 1988; Репина 2003; 2011; Савельева, Полетаев 2005). Дискуссии в научном сообществе подчеркивают актуальность проблемы, но не могут обойти тот факт, что идея взаимодействия истории с другими гуманитарными дисциплинами далеко не новаторская – она развивалась в исторической науке на всем протяжении XX века.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 12-31-01232 а2.

В условиях самоопределения российской исторической науки изменились не только приоритеты историографии (при сохранении лакун в изучении истории отечественной интеллектуальной мысли приоритетное внимание уделено зарубежным научным теориям), но и восприятие научной традиции. В этой связи необходимым условием развития отечественного исторического знания представляются переосмысление и переоценка отечественного классического историографического наследия, его актуализация с позиции приоритетов современного научного знания.

Примером подобных классических научных произведений являются труды Николая Ивановича Кареева (1850–1931). При изучении его научного наследия выявляется примечательная особенность – трудность с определением дисциплинарной принадлежности. Историки оценивали труды Кареева как классические для теории и методологии исторической науки (Леонтьева 2004; Мягков 1988; 2000; Погодин 1997), прикладных исторических исследований (Золотарев 1993; Фролова 1955); социологи указывали на его роль в процессе институционализации социологической науки в России (Голосенко 1996; Осипов 1993; Бороноев 2000); психологи обозначали его работы как особое направление русской психологической школы (Алексеев, Маслин 1992); правоведы оценивали его вклад в развитие своих отраслей знания (Туманов 1971); политологи указывали на профессиональную постановку и исследование сюжетов и проблем политической науки (Гнатюк 1994; Шевцов 2007). При дисциплинарном подходе идеи историка искусственно расчленялись, его научное творчество «растаскивалось» по доменам, которые подчас имели мало общего с аутентичными текстами.

Разработка вопросов отдельных наук об обществе в трудах ученого подчинялась цели формулирования методологических основ гуманитарного знания (Долгова 2011; 2012). Достичь ее Кареев пытался прежде всего на основе исходной для него дисциплины – истории. Наиболее полное воплощение его концепция нашла в работах последнего периода – с 1917 по 1931 годы: «Общие основы социологии» и «Общая методология гуманитарных наук».

Работа «Общие основы социологии» была написана летом 1918 года – по словам ученого в предисловии, «без книг, нужных для моих текущих работ, но бумага, чернила, перо были, а главное – были давно сложившиеся мысли о том, чему книжка посвящена, и желание дать им связное изложение» (Кареев 2010: 4).

Книга практически лишена справочно-библиографического аппарата (в тексте нет критических разборов произведений и социологических теорий), вышла «целиком из головы, без всякого к ней приготовления» и представляет собой систематическое изложение взглядов автора в наиболее «общедоступной» форме (Кареев 2010: 4–5). Уже после того, как работа была закончена, Кареев составил к отдельным параграфам ряд примечаний с подробными указаниями на литературу по трактуемым в книге вопросам. Однако указатель получился громоздким, и ученый отказался от его публикации (Там же: 245).

По замыслу Кареева, «Общие основы социологии» должны были подвести итоги его многолетним научным изысканиям. Текст работы включал в себя главы: «Проблема социологии и природа общественных явлений», «Происхождение общественных уз», «Взаимоотношения политики, экономики и права в социальной жизни», «Социальная сторона духовной культуры», «Человеческая особь в обществе и международное общение в человечестве», «Социальная сторона исторического процесса», «Общие формулы эволюции». Автор излагал свое понимание различных аспектов социологии через призму истории. В этом плане тематически «Общие основы социологии» являлись логическим продолжением творчества Кареева до 1917 года.

Замысел работы «Общая методология гуманитарных наук» тематически был более широким. В своих мемуарах историк так объяснял появление этого труда: «В осеннем семестре 1922 года я прочитал еще небольшой курс по методологии общественных наук, отличный от теории исторического знания, лекции по которой я читал на Высших Женских курсах и в университете (после смерти А. С. Лаппо-Данилевского), хотя продолжать чтение этого курса потом мне и не пришлось. В связи с чтением этих курсов и по образцу “Общих основ социологии” я написал еще пока не напечатанную “Общую методологию общественных наук”» (Он же 1990: 285). Предисловие к рукописи было закончено Кареевым еще 16 июня 1922 года (Отдел... 13: 2 об.).

Лекции по методологии гуманитарных наук представляют собой исключение в научной биографии Кареева, который в основном читал исторические курсы. Он отмечает, что теоретико-исторический курс ему достался после смерти в начале 1919 года академика Лаппо-Данилевского, преподававшего методологию истории, а к чтению социологии в университете Кареев так и не при-

ступил, поскольку занятия по этому предмету стали вести П. А. Сорокин и К. М. Тахтарев. Курс методологии гуманитарных наук был одним из последних, прочитанных Кареевым в университете в 1922 году.

Подготовленная к печати, но не опубликованная «Общая методология гуманитарных наук» хранится в личном фонде ученого в НИОР РГБ. Работа восстанавливается по рукописным черновикам исследователя, машинописи, подготовленной к набору, нескольким корректурам, примечаниям и материалам к работе.

Как отмечено в предисловии к «Общей методологии...», основной целью ее написания стало «желание подвести общие итоги под выработывавшимися в течение полустолетия методологическими взглядами и дать цельное изложение этого предмета» (Отдел... 13: 2 об). Текст работы включает в себя главы: «Понятие науки и классификация наук», «Логические предпосылки всякой методологии», «Гуманитарные науки, их классификация и методология», «Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках», «Научная работа в области исторических повторений», «Теоретические гуманитарные науки», «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках». К рукописи приложены примечания, библиография и список социологических работ Кареева, материалы к работе – выписки автора из трудов по истории, социологии и психологии.

В ходе работы над текстом название рукописи менялось. В 1922 году была опубликована статья С. Л. Франка «Очерк методологии общественных наук» (Франк 1922); вероятно, тогда Кареевым и было изменено название рукописи, изначально обозначенной в черновиках как «Методология общественных наук» (Отдел... Д. 15).

Кареев подчеркивал принципиальную новизну поставленной им задачи. В предисловии он отмечал: «Вышедшая недавно под аналогичным названием книга задумана и выполнена в смысле не научной методологии общественных наук, а метафизической социальной философии, что не одно и то же» (Отдел... 13: 2 об). В последовавшей за выходом работы Франка рецензии Кареев писал: «Под методологией какой бы то ни было науки мы привыкли разуметь учение об ее методе или методах, т. е. о тех путях, тех способах, тех приемах, при помощи которых данная наука разрешает свои проблемы... Его [Франка] методология строится не как уче-

ние о научном исследовании общества, а как философская теория о его природе» (Кареев 1923: 268).

Что же вкладывалось в название «Общая методология гуманитарных наук»? По словам Кареева, «наука тем совершеннее, чем совершеннее ее метод» (Отдел... 13: 4 об.). Однако ученый подчеркивал, что в современной для него научной системе «единой науки нет, а существует несколько отдельных наук, общим признаком которых является доказанность и систематичность заключающегося в них знания» (Там же: 3). Целью работы было обращение к гуманитарным наукам в их целостности, неразрывной взаимосвязи; ключевой в этом плане виделась задача разработки их общей методологии.

Кареев четко обозначил свое понимание термина «методология»: по его мнению, это – «логика отдельной науки», «учение о методах, способах и приемах, при помощи которых данная наука добывает и строит свое знание» (Там же: 4). Задачи методологии, по его мнению, состояли в том, чтобы «осмысливать приемы научного мышления, указывать на их сильные или слабые стороны, сравнивать между собою отдельные роды и виды методов, систематизировать их, возводить к общим принципам теории знания и логики и тем самым вносить больше сознательности в научную работу» (Там же: 4 об.). Принципиальным для Кареева было то, что из исследования полностью устранялся метафизический компонент (Отдел... 6: 3).

Для понимания сути концепции следует уяснить, что Кареев понимал под «общественными» (первоначальный вариант названия) и «гуманитарными» (окончательный вариант) науками. В одной из своих работ, написанных до 1917 года, ученый отмечал: «Собственно говоря, все явления, изучаемые гуманитарными науками, кроме разве фактов индивидуальной душевной жизни, суть явления общественные, потому что все совершаются в обществе. В самом деле, вне общества не мыслимы были бы ни язык, ни литература, ни религия, ни философия, ни наука, т. е. ничто из того, в чем заключается все содержание духовной жизни человечества, и потому в широком смысле все гуманитарные науки могли бы называться общественными. Дело, однако, в том, что среди взаимодействий между отдельными людьми, из которых складывается вся жизнь общества, одни взаимодействия суть чисто психические, так сказать, духовные, другия же имеют практический характер, устанавливая между отдельными членами общества определенные

взаимоотношения и тем самым организуя их в постоянные системы общественных явлений, которым мы даем названия народного хозяйства, права, государства. Вот именно эти самые науки, которые изучают практические взаимоотношения членов общества и складывающиеся из этих взаимоотношений системы общественных порядков, иначе – явления общественной организации, и принято называть общественными науками в более тесном смысле этого слова» (Кареев 1903: 2–3). Таким образом, терминологически исследователь существенно расширил первоначальный замысел работы, обратившись к изучению проблематики гуманитарного знания в целом.

В основании концепции «общей методологии гуманитарных наук» лежал принцип тесного взаимодействия психического и социального факторов. Для его теоретического обоснования Карееву потребовалось введение нескольких понятий, характеризующих общество – объект изучения гуманитарных наук.

Как основополагающее Кареев определил понятие *ментального* (психического) процесса. Все психические процессы он разделил на два типа: *интраментальные* и *интерментальные* (Отдел... 13: 13). Первые происходят внутри индивидуума, вторые – между индивидуумами.

Всему ментальному (психическому) с обеими приставками (интра- и интер-) в концепции Кареева противопоставлялось еще и *экстраментальное*, или реальное, действительное, существующее вне сознания, – весь внешний мир. Экстраментальное создается при посредстве психического взаимодействия – это прежде всего социальная организация, которая не только мыслится, содержится в сознании и памяти людей, но и может передаваться другим при посредстве устной и письменной речи (практические отношения и взаимодействия людей, государство, народное хозяйство, право и т. д.) (Кареев 2010: 18–19). Однако экстраментальное не только объективно существует вне сознания, но и воспринимается сознанием, в нем отражаясь, истолковываясь и получая оценку (Там же: 45). Мысли людей об экстраментальном заслуживают внимания социологов уже потому, что эти мысли или содействуют сохранению обычных форм, или оказывают на них разлагающее действие» (Там же: 45–46).

Точкой пересечения ментальных и экстраментальных явлений Карееву представлялась личность с ее внутренним миром и внешними взаимоотношениями. Личность воспринималась ученым как

подвижный, изменяющийся субъект – «существо мыслящее, чувствующее, желающее, действующее и живущее в обществе себе подобных» (Отдел... 13: 12 об).

Для каждой отдельной личности вся совокупность культуры в ее интерментальных и экстраментальных элементах имеет значение особой жизненной среды, в которой личность пребывает, которую в себе отражает и в которой занимает известное место (Кареев 2010: 20). Эта среда – психическая и социальная – существует ментально в людях и экстраментально через людей; именно она образует из человеческой особи человеческую личность.

Отдельные личности являются носителями, сохраняющими и воспроизводящими культурные формы, существующие в каждом коллективе; эти формы пребывают потенциально в их памяти и проявляются актуально в их деятельности (Там же: 40). За исключением содержания духовной культуры, живущего в индивидуальном сознании, все остальное в обществе, подводимое под категории обычных способов и обычных порядков, может быть обобщено как совокупность культурных и социальных форм, в которых протекает коллективная жизнь (Там же: 38).

Общество не только живет в культурных и социальных формах, но и известным образом воспринимает, толкует и оценивает их в своем сознании. У каждого общества есть свои представления, понятия, взгляды, мнения, убеждения – более или менее распространенные, общепринятые, сделавшиеся традицией и составляющие общее мирозерцание. Это – не что иное, как «привычки, имеющие массовый характер, будет ли это касаться способов строить дома, шить платье, печь хлеб, пахать землю, молиться Богу, хоронить мертвых, развлекаться, забавляться, воспроизводить образы действительности и фантазии в произведениях искусства, или будет касаться порядков, в какие складываются семейные, имущественные, хозяйственные, профессиональные, классовые, сословные взаимоотношения между людьми, отношения между властвующими и подвластными, управляющими и управляемыми, распоряжающимися и повинующимися, сильными и слабыми, имущими и неимущими и т. д.» (Там же: 37–38).

Хотя «внутренние переживания с их наружными проявлениями представляют собой факты индивидуального характера», строение общества и существующие в нем порядки сводятся к постоянным и массовым повторениям одних и тех же взаимоотношений между людьми (Там же: 37). Члены общества усваивают обычаи бессозна-

тельно и непреднамеренно, догматически, путем подражания. По словам ученого, «все мы считаем свое мышление, свои эмоции, свои желания строго индивидуальными явлениями <...> в содержании нашей психики нет ничего, что не содержалось бы уже в психике других людей» (Кареев 2010: 171). Описывая механизм этих процессов, Кареев употреблял понятия «*суггестивность*» (внушаемость) и «*имитативность*» (подражательность) (Там же: 173).

Существование культурно-социальных форм обуславливается наличием определенных взаимосвязей. В своем единстве эти взаимосвязи образуют понятие *культурно-исторической среды*, представляющей совокупность всех культурных (в широком смысле слова) форм общества: лингвистической среды (языка как общей формы психического взаимодействия индивидов), «известных умственных привычек» (устойчивых представлений, понятий, взглядов и верований, отражающих общее духовное содержание культурно-исторической среды и характер поведения и деятельности индивидов), «техники в широком смысле слова» («совокупности способов и умений что-либо делать», демонстрирующих принципы, на которых строится взаимодействие между человеком и природой), эстетики (иллюстрирующей состояние культурно-исторической среды в интеллектуальном, моральном и в целом – в социальном отношениях), наконец, социальной организации в трех ее формах – «государства, права и народного хозяйства» (Там же: 150).

По отношению к экстраментальному человек играет то пассивную, то активную роль, выступая в истории и как «отражение данной общественности», и как сознательная «обновительная сила» (Там же: 151). Общество воздействует на личность с помощью подражания (сознательного и бессознательного), преднамеренного обучения, господства обычая, наконец, прямого принуждения (Там же: 122–123), но человеческая личность не является «фотографической пластинкой», пассивно запечатлевающей влияния среды, – источник каждого человеческого поступка кроется еще и в личной воле, во внутренних мотивах, в сознательно поставленных человеком целях (Там же: 142–145). Сложное переплетение ментального и экстраментального и создает «живую ткань» исторического процесса.

Кареев ставил на первый план для всякого историка изучение ментального фактора – психического строя личности и формирующейся на этой основе культуры. Для него культурно-истори-

ческая среда в целом (т. е. и культурные группы, и социальная организация) – это прежде всего результат психического взаимодействия людей. Именно поэтому «теоретически мыслить во всех гуманитарных науках, начиная с лингвистики и кончая политикой нельзя без психологических предпосылок для дальнейших дедуктивных операций научного мышления» (Отдел... 7: 13). Вместе с тем, хотя общество и состоит из отдельных индивидуумов, которых психология изучает на почве прежде всего анатомии и физиологии, однако в реальном отношении психика формируется социальным фактором (Кареев 2010: 168).

Обосновывая тесное взаимодействие социального и психического в истории, Кареев подчеркивал неделимость предмета их исследования и поставил вопрос о единстве методологии ведущих гуманитарных наук – истории, социологии и психологии. Логичными в этой связи представлялись пересмотр привычной классификации наук и обращение к вопросу о специфике каждой из дисциплин с точки зрения ее статусной роли и функциональных особенностей в системе научного знания.

В «Общей методологии...» подчеркнут искусственный, дисциплинарный характер привычной классификации наук – деления единого гуманитарного знания на науки о психических явлениях (психология, гносеология, логика, этика); примыкающие к ним науки о культурных явлениях (историческое и теоретическое изучение языков, мифологий, религий, искусств и т. д.); социальные (социология, государственведение, юриспруденция, политическая экономия в историческом и теоретическом освещении) и исторические науки (археология, антропогеография, этнография, демография, общая история) (Отдел... 13: 14).

Вместо привычной классификации автор предложил иное деление, различая: 1) номологические; 2) типологические; 3) идиографические науки. В этой классификации к номологической группе относились бы психология и социология, «замыкающие ряд, первыми членами которого являются математика, механика, физика, химия и биология», в типологическую группу вошла бы большая часть наук о культурных явлениях и социальных наук, в идеографическую – все дисциплины исторического цикла (Там же: 34 об).

Как же в представлении Кареева выстраивались взаимосвязи в системе гуманитарных наук?

Прежде всего его интересовали номологические науки. Исследователь писал: «Ими в данном случае являются психология и со-

циология, первая – для наук о духовной культуре, которые ради краткости позволим себе называть культурными (в более узком смысле), вторые – для наук общественных, или, как тоже их можно называть, социальными» (Отдел... 13: 13). Кареев стремился зафиксировать место каждой дисциплины в системе гуманитарного знания.

Психология, по мнению ученого, – необходимый буфер между естественными и гуманитарными науками (Кареев 2010: 14). Наиболее важной ему представлялась не столько индивидуальная, интраментальная психология, сколько ее интерментальное расширение. В науке «уже давно указывалось на недостаточность психологического изучения человека, взятого особняком» (Отдел... 13: 38). Задачей интерментальной психологии должно быть изучение психических взаимодействий между людьми.

В рамках интерментальной психологии Кареев выделял коллективную и социальную психологию. Первая должна изучать психическое взаимодействие в аспекте общности идей, настроений, стремлений, создающей культурное единство племени, народа, нации в языке, религии, литературе, искусстве; вторая – возникающие на почве психического взаимодействия практические отношения между людьми, лежащие в основе организованной общественности в ее политической, юридической, экономической сторонах (Там же: 35). С этой точки зрения коллективная психология была бы своего рода «эпилогом к психологии», социальная – «прологом к социологии».

Психология в своей интерментальной части связана с социологией. По словам Кареева, психолог должен иметь в виду, что изучаемые им душевные явления связаны не только с физиологическими процессами в индивидуальном организме, но и с процессами, происходящими в обществе. Так как человек есть не только произведение природы, но и произведение общества, психология и социология должны находиться в тесном взаимодействии между собой (Отдел... 7: 52–53). Взятые в отдельности, эти науки (как психология, так и социология) не могут адекватно отражать сущность социального процесса. Чтобы получить целостную картину, следовало объединить социально-психологическое и социологическое исследования.

Социологии Кареев отводил место синтеза и базиса социальных наук, их «общей философии» (Там же: 49; Отдел... 13: 35 об – 36). По мнению ученого, социология – это номологическая наука

о природе и генезисе общества, об основных его элементах, факторах и силах, об их взаимоотношениях, о характере процессов, в них совершающихся, где бы и когда бы это все ни существовало и ни происходило (Кареев 2010: 10). Он вступил в полемику с Франком, упрекая его за попытку выработать нечто вроде «общественной философии» (Там же: 269). Для Кареева было очевидно, что именно социология, а не отвлеченная социальная философия должна выступать синтезирующим элементом. Подчеркивая это, он резко ограничивал область социологии, включая в нее «круг явлений, которые сводятся к практическим взаимодействиям между людьми в их общественной жизни и к объективным результатам этого взаимодействия в существовании народного хозяйства, права, государства» (Отдел... 7: 49). Общество при этом рассматривалось им с трех точек зрения: экономической, политической и юридической (Кареев 2010: 60). Однако социология является не суммой теорий государства, права и народного хозяйства: по мнению ученого, она должна «брать общество интегрально», так как и право, и государство, и народное хозяйство существуют лишь абстрактно и, по сути, их проблематика тесно переплетается друг с другом (Там же: 114).

Однако, считал Кареев, общая социальная наука (социология) не устраняла важности специальных общественных наук (Отдел... 7: 21) – ведь если бы не следовало изолированно изучать явления культурно-социальной жизни, то не было бы и отдельных гуманитарных наук со своими особыми предметами, задачами, методами.

Науки, которые в силу своей специализации нацелены на достижение более детальных и точных знаний по сравнению с номологическими, Кареев называл типологическими. Их задача состоит в выстраивании взаимосвязей между эмпирическим материалом и номологическими обобщениями социологии и психологии. Так, от государственоведения социология унаследовала представление об обществе как об ограниченном в пространстве извне и организованном внутри целом, имеющем свою историю во времени; политическая экономия создала представление об обществе как о хозяйственном коллективе; правоведение внесло в понятие общества понятие личности, предъявляющей обществу притязания относительно жизни, безопасности, достоинства, благосостояния, и т. п. (Кареев 2010: 114).

Связав между собой номологические и типологические науки, Кареев обращался к наиболее сложной для него категории идио-

графических наук, в которую он включал исторические дисциплины.

Сложности в определении места исторической науки среди других гуманитарных дисциплин обусловлены предметом ее исследования. Для ученого очевидно, что «повествование об отдельных фактах и их описание не может быть содержанием науки» (Отдел... 7: 5). Вместе с тем историзм проник во все теоретические гуманитарные науки, придав им «совершенно иной характер, чем тот, который они имели в период господства в них чистого умозрения». По мнению Кареева, гуманитарные науки широко пользуются историческим (эмпирическим) материалом и обрабатывают его индуктивным методом для получения самых общих формул, под которые можно было бы подводить разнообразие явлений культурной действительности (Там же: 11).

Логичен вопрос: не есть ли история сама только особая точка зрения, особый метод в изучении государства, права, народного хозяйства, религии, литературы, искусства, философии, науки и как наука она не существует? (Там же: 5–8; Отдел... 13: 38 об). Понимая, что положительный ответ на этот вопрос упразднил бы историю, Кареев дает отрицательный ответ. Он убежден, что история – это особая наука, идиографически обобщающая эмпирический материал и тем самым делающая его пригодным для номологических обобщений в психологии и социологии (Отдел... 13: 38 об).

Таким образом, в методологической программе Кареева нашли отражение несколько взаимосвязанных научно-теоретических задач, в равной степени новаторских и перспективных для своего времени: во-первых, поставлена задача понимания гуманитарного знания как единого исследовательского поля; во-вторых, предложены конкретные пути достижения поставленной задачи – подходы к историко-психологической и историко-социологической проблематике. Научное творчество Кареева можно рассматривать как одну из попыток решения актуальной для «века позитивизма» мировоззренческой задачи: создания концептуально целостной, непротиворечивой картины мира на основе достижений родственных гуманитарных наук.

Литература

Алексеев, В. А., Маслин, М. А. 1992. *Русская социальная философия конца XIX – начала XX в.: психологическая школа*. М.: Исслед. центр по пробл. управления качеством подгот. специалистов.

Бороноев, А. О. (ред.). 2000. *Социология истории Н. И. Кареева: межвуз. сб. ст.: к 150-летию со дня рождения*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Гнатюк, О. Л. 1994. *Русская политическая мысль начала XX в.: Н. И. Кареев, П. Б. Струве, И. А. Ильин*. СПб.: СПбГТУ.

Голосенко, И. А. 1996. Историко-социологические взгляды Н. И. Кареева. В: Кареев, Н. И., *Основы русской социологии*. СПб.: Изд-е Ивана Лимбаха, с. 5–24.

Гуревич, А. Я. 2002 [1988]. История и социальные науки: поворотный момент? В: Гуревич, А. Я. (ред.), *Анналы на рубеже веков: антология*. М.: Наука, с. 11–14.

Долгова, Е. А.

2011. В поисках «общей методологии гуманитарных наук»: Синтез истории, социологии и психологии в работах Н. И. Кареева (1918–1931 гг.). В: Логунов, А. П. (ред.), *Будущее нашего прошлого: современные проблемы и состояние научного знания: материалы конференции 15–16 июня 2011 г.* М.: ИЦ РГГУ, с. 118–127.

2012. Концепция «общей методологии гуманитарных наук»: теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы. В: Ершова, Г. Г., Долгова, Е. А., *«Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г.* М.: Совпадение, с. 222–234.

Золотарев, В. П. 1993. Отечественные школы новоевропейской истории в меняющемся менталитете России и СССР. В: Шарифжанов, И. И., *Историческая наука в меняющемся мире: материалы международной научной конференции, Казанский гос. ун-т, 30 мая – 3 июня 1993 г.* Вып. 1. Казань: Изд-во КГУ, с. 81–85.

Кареев, Н. И.

1903. Что такое общественные науки. В.: Кареев, Н. И., *Введение в изучение социальных наук*. СПб.: Брокгауз и Ефрон, с. 2–3.

1923. Метафизик о «Методологии общественных наук» (о книге С. Франка «Очерк методологии общественных наук»). В: *Анналы* 2: 267–271.

1990. *Прожитое и пережитое: воспоминания*. Л.: Изд-во ЛГУ.

2010. *Общие основы социологии*. М.: URSS.

Леонтьева, О. Б. 2004. «Субъективная школа» в русской мысли. *Проблемы теории и методологии истории*. Самара: Изд-во СГУ.

Мягков, Г. П.

1988. *Русская историческая школа: методологические и идейно-политические позиции*. Казань: Изд-во КГУ.

2000. *Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы»*. Казань: Изд-во КГУ.

Осипов, И. Д. 1993. Социология истории Н. И. Кареева. В: *Российская социология: межвуз. сб. ст.* СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, с. 35–44.

Погодин, С. Н. 1997. *Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский*. СПб.: Изд-во СПбГТИ.

Репина, Л. П.

2003. *Интердисциплинарная история: вчера, сегодня, завтра*. В: Репина, Л. П., *Междисциплинарные подходы к изучению прошлого*. М.: ИВИ РАН, с. 178–181.

2011. *Концепции интердисциплинарности и место истории в мире наук о человеке и обществе*. В: Репина, Л. П., *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: ИВИ РАН, с. 25–61.

Савельева, И. М., Полетаев, А. В. 2005. «Там, за поворотом...»: о модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками. В: *Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: материалы научной конференции 28–29 апреля 2005 г.* М.: Б. и., с. 7–9.

Туманов, В. А. 1971. *Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве*. М.: Наука.

Франк, С. Л. 1922. *Очерк методологии общественных наук*. М.: Берг.

Фролова, И. И. 1955. Значение исследований Н. И. Кареева для разработки истории французского крестьянства в эпоху феодализма. *Средние века*. Вып. 7. М.: Наука, с. 315–334.

Шевцов, А. В. 2007. Проблематика политической социологии и наследие Н. И. Кареева. В: *Социологическое наследие Н. И. Кареева: материалы межвуз. научн.-теор. конф., РГПУ им. А. И. Герцена, 15 декабря 2006 г.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 66–75.

Архивные материалы:

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 119. К. 39. Д. 6.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 119. К. 39. Д. 7.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 119. К. 39. Д. 13.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 119. К. 39. Д. 15.